

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ДЕРЕВНЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1940–1950-Е ГГ.

О.В. Ильина (Вологда, Россия)

Изучение демографических процессов в деревне Европейского Севера России в 1940–1950-е гг. связано с тем, что этот период был одним из переходных в истории страны, характеризовался изменением динамики народонаселения, в то же время изменения в численности и составе сельского населения были более глубокими, поэтому они требуют детального рассмотрения. Традиционно Европейский Север включает в себя Архангельскую и Вологодскую область, Республики Коми и Карелия.

Основные источники, позволившие показать изменения в рождаемости, смертности, естественном приросте сельского населения, в составе и размере сельской семьи, миграционных тенденциях 1940–1950-х гг., извлечены из центральных и местных архивов, а также данных опубликованной статистики. Однако, опубликованные статистические материалы выходили не каждый год. К ним можно отнестись итоги переписей населения 1939 и 1959 гг., статистические сборники «Народное хозяйство страны или отдельного региона ежегодно с конца 1950-х гг., некоторые юбилейные издания, характеризующие развитие того или иного региона за определенный период. Поэтому значительный массив подробных данных текущего учета населения был извлечен из фондов Государственного архива Российской Федерации (далее ГАРФ) и Российского государственного архива экономики (далее РГАЭ), а также из фондов региональных архивов Государственного архива Вологодской области (далее ГАВО), Вологодского архива новейшей политической истории (далее ВОАНПИ), Государственного архива Архангельской области (далее ГААО), Национального архива Республики Коми (далее НАРК).

ГАРФ (Ф. А-374 ЦСУ при Совете Министров РСФСР) располагает значительным комплексом документов, характеризующих межрегиональную и внутрирегиональную миграции сельского населения в 1940–1950-е гг., а именно сводными статистическими отчетами ЦСУ о «передвижении населения за ... г.». Архивы областных управлений государственной статистики также содержат материалы о миграции сельского населения, так называемые «сведения о передвижении населения по возрасту и полу» (ГАВО. Ф. 1703), а также материалы фондов переселенческих отделов при Вологодском и Архангельском облисполкоме (ГААО. Ф. 1133; ГАВО. Ф. 3105), которые существенно дополняют сведения о территориальном перемещении сельских жителей, включая такие его формы, как эвакуация и реэвакуация, государственное сельскохозяйственное переселение колхозных семей. Анализ данных материалов позволил сделать вывод о том, что миграционное движение – это фактор, постоянно оказывающий влияние на демографические процессы, связанные с изменением численности населения, его половозрастного состава, особенностей воспроизводства. Интенсивность миграционных процессов, в ходе которых деревня отдает часть своих людских ресурсов городу, формирует особенности динамики сельского и городского населения. В первой половине 1940-е гг. решающую роль в миграционных процессах играла эвакуация населения вглубь страны и мобилизация населения на фронт, продолжалось осуществляться начатое до войны движение крестьян в другие отрасли народного хозяйства, в города.

В конце и после войны миграционные потоки формировались под влиянием ее последствий. Еще в 1943 г. началась реэвакуация населения. Летом 1945 г. началась демобилизация из рядов Красной Армии, проводившаяся вплоть до 1948 г. Интенсивность миграционных перемещений после войны определялась и необходимостью восстановительных работ, приоритетом развития промышленности в государстве. Промышленное освоение регионов Европейского Севера России требовало привлечения новых рабочих рук, отчасти эта задача решалась за счет трудоспособного населения, которое переселялось на Европейский Север России из других регионов РСФСР и СССР. В то же время, по данным ЦСУ СССР, территориально на Европейском Севере России преобладали внутриобластные и внутриреспубликанские перемещения, в которых сельское население играло ключевую роль. Среди прибывших из сельской местности в городские поселения Вологодской, Архангельской областей и Коми АССР в 1940–1950-е гг. преобладала молодежь в возрасте 18–24 лет. Продолжалось осуществляться начатое до войны сельскохозяйственное переселение, организованное государством. Активно заселялась КФССР. В 1949–1952 гг. в колхозы КФССР было переселено 4150 семей. [2] В плановом сельскохозяйственном переселении второй половины 1950-х гг. большое место уделялось организации лесного хозяйства и совхозов, особенно на территории Карельской АССР, куда в 1956–1959 гг. в общей сложности была переселена 3241 семья [1].

Для учета половозрастного состава сельского населения привлекались материалы отчетов ЦСУ «О единовременном учете половозрастного состава сельского населения за ... г.» из центральных архивов (РГАЭ.Ф.1562; ГАРФ. Ф. А-374).

Изменение половозрастной структуры колхозного крестьянства и демографических показателей крестьянской семьи прослеживается на основе материалов сводных годовых отчетов колхозов, которые содержатся в центральных (РГАЭ. Ф. 1562.; Ф. 7486.) и местных (ГААО. Ф. 1892; ГАВО. Ф. 1705; НАРК. Ф. 140) архивах. Первый раздел отчетов о составе семьи дает демографическую характеристику двора:

численность трудоспособных колхозников–мужчин и женщин, престарелых и инвалидов, число подростков. Анализ трудоспособной части крестьянского двора показывает, что в группе возрастов от 16 до 55 лет у женщин и от 16 до 60 лет у мужчин на протяжении всего изучаемого двадцатилетия сохранялся половой дисбаланс. В 1945 г. на Европейском Севере России в расчете на 100 колхозных дворов приходилось 26 трудоспособных мужчин в возрасте от 16 до 60 лет, в 1950 г. – 36, в 1959 г. – 57. Что касается доли трудоспособного женского состава крестьянской семьи, то в 1945 г. на 100 дворов приходилось 92 трудоспособные женщины, в 1950 г. – 85, а в 1959 г. – 91 [3]. Одновременно с сохранением диспропорции полов в изучаемый период отмечается постоянный процесс старения крестьянской семьи, увеличение в ее составе лиц старше 60 лет. Изменения в составе крестьянской семьи коснулись и группы подростковых возрастов 12–16 лет. В изучаемый период на Европейском Севере России произошло снижение абсолютной численности подростков. Показатель числа подростков в расчете на 100 дворов, составлявший в 1939 и в 1945 гг. 37 чел., резко падает в 1959 г.: до 16–18 чел., что отражает снижение рождаемости в военные годы [3].

В целом, в изучаемый период количество сельских семей на Европейском Севере России сократилось почти на 20%, произошло сокращение размера и изменение состава сельской семьи, продолжает расти доля малых семей от 2 до 4 чел. В результате военных потерь происходило увеличение числа семей неполных, где главами являлись женщины – вдовы, потерявшие мужей на фронте и оставшиеся с детьми, они не сумели в условиях послевоенного дефицита мужчин повторно выйти замуж.

Для изучения воспроизводства населения привлекались материалы из ГАРФ и архивов областных управлений статистики, содержащие данные о естественном движении населения в сельской местности Европейского Севера России (ГАРФ. Ф. А-374). Итоги естественного движения сельского населения за определенный год включали в себя данные о количестве родившихся и умерших по полу, в том числе число умерших детей в возрасте до одного года, данные о числе браков и разводов.

В изучаемый период динамика показателей рождаемости и смертности во многом была связана с чрезвычайной военной обстановкой первой половины 1940-х гг., послевоенным восстановительным периодом, и как уже отмечалось, активной миграционной подвижностью населения. В военный период показатели рождаемости снижались, а смертности – росли, довоенный уровень рождаемости не был достигнут ни в 1940-е, ни в последующие десятилетия. Уровень смертности в послевоенный период снижается, скачок смертности приходится на 1947 г. Данные об умерших по возрасту и полу в сельской местности позволяют сделать вывод, что в 1940–1950-е гг. большой процент умерших приходился на возрастную группу детей от 0 до 4 лет и на пожилую возраст от 60 лет и старше. В целом, процесс воспроизводства сельского населения в 1946–1950-е гг. развивался неравномерно, что было обусловлено, с одной стороны, преодолением последствий военного времени, с другой – выходом на новый этап репродуктивного поведения. Преодоление последствий военного времени проходило в тяжелых условиях, когда положительно протекавшие процессы воспроизводства в силу компенсаторного периода были приостановлены некоторыми кризисными явлениями в северной деревне.

Более подробную информацию о брачном движении населения можно получить из материалов текущего учета, так называемых «сведений о браках по возрастам брачующихся за ... г.» (ГАРФ. Ф. А-374). Они составлялись статистическими управлениями на уровне области, края, автономной республики, а затем сводились в республиканские статистические управления. Конечно, эта информация относилась лишь к зарегистрированным бракам. Из-за демографических потерь в войну значительно сократилось количество бракоспособного населения в репродуктивном возрасте, изменился его половозрастной состав, что сопровождалось потерями в общей численности населения, рождением малого числа детей в течение не одного последующего десятилетия. Диспропорция полов ставила женщин в невыгодное положение на брачном рынке, определяла их дальнейшее репродуктивное поведение, которое было связано в том числе с рождением детей вне брака. В центральных архивах в отчетах ЦСУ содержатся сведения о родившихся, в отношении которых в акте о рождении отсутствуют записи об отце. Они позволяют выявить общее число детей родившихся вне брака, долю внебрачных детей в общей численности рождений в том или ином году, возраст матери-одиночки, ее социальное положение. В целом по Европейскому Северу России более 60% внебрачных рождений приходилось на женщин в возрасте от 20 до 30 лет. К концу 1950-х гг. число детей, рожденных вне брака, уменьшается, это объясняется тем, что к этому времени происходит выравнивание численности полов в возрастных группах от 20 до 34 лет, позволявшее женщине вполне успешно найти брачного партнера и родить ребенка в браке.

Брачное поведение мужчин также претерпевало изменения, среди них растет число тех, кто вступал в повторные браки, поэтому, несмотря на усложнение процедуры развода, растет количество расторгнутых супружеских союзов.

При анализе тенденций процессов разводимости применяются «Сведения о разводах по возрасту разводящихся и продолжительности расторгнутых браков за ... г.» отдельно по городской и сельской местности и сводные данные (ГАРФ. Ф. А-374). Сведения о разводах показывают изменения числа разводов в изучаемый период, возраст разводящихся мужчин и женщин, продолжительность расторгнутых

браков. В целом, уровень разводимости сельского населения Европейского Севера России в изучаемое 20-летие можно оценить как невысокий, если сравнивать его с брачностью. В 1940 г. на Европейском Севере России в расчете на 1000 заключенных браков приходилось 114 разводов. Данный показатель понижается к концу 1950-х гг.: в 1959 г. в расчете на 1000 браков приходилось 47 разводов.

Особую разновидность статистических документов о населении составляют материалы отделов здравоохранения. Были изучены материалы отделов здравоохранения Архангельского и Вологодского обл-исполкомов (ГААО. Ф. 1932; ГАВО. Ф. 1637). В них представляет интерес информация о родовспоможении на селе, числе аборт, произведенных по медицинским показаниям и криминальным образом, об общем состоянии развития медицинской помощи и медицинских учреждений на селе. Показатели по этим вопросам находятся в «Сводных годовых отчетах о сети, деятельности и кадрах медицинских учреждений за ... г.».

В целом, демографическое развитие деревни Европейского Севера России в 1940–1950-е гг. происходило в контексте изменений, называемых демографической модернизацией. После катастрофических условий Великой Отечественной войны и послевоенного голода наблюдалась тенденция к становлению малых семей, простому типу воспроизводства, снижению рождаемости и смертности.

1. ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 24. Л. 38; Д. 65. Л. 72; Д. 100. Л. 67; Д. 133. Л. 103.(переселение);
2. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 587. Л.28-32.
3. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1369. Л. 1, 1об.; Д. 3594. Л. 7; Д. 3657. Л. 77; Д. 6808. Л. 5.(по трудоспособным); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 5108. Л. 2, 21, 39; Д. 5398. Л.5; Д. 5714. Л. 5; Д. 5997. Л. 6; Д. 6244. Л. 8; Д. 6535. Л. 6; Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1246. Л. 7.(подростки)

ПОЛЯКИ И ПОЛЬСКИЕ ГРАЖДАНЕ В СОВЕТСКИХ ЛАГЕРЯХ НА УРАЛЕ (1945–1947). ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Дариуш Рогут (Лодзь, Польша)

Вторжение Красной Армии со второй половине 1944 года на территорию Республики Польша не только положило конец немецкой оккупации, но и стало началом новой, советской оккупации. По политическим соображениям НКВД и военные контрразведывательные подразделения Смерш проводили массовые аресты поляков и польских граждан, которые были не только солдатами Армии Краёвой, но представляли собой потенциальную угрозу для коммунистической диктатуры в Польше. Всеобщий террор имел целью запугать общество и облегчить захват власти советскими коллаборационистами из ППР и ПКНО. Согласно примерным данным от января 1944 г., до конца сороковых годов с территории Второй Речи Посполитой, в том числе с её восточных рубежей, было вывезено около 100 тыс. поляков и польских граждан, которые были направлены в трудовые лагеря¹⁴.

Репрессированных лиц отправляли в различные места лишения свободы. Как «интернированные», солдаты независимого подполья и подозреваемые в участии в нём, а это около 10 000 поляков, были отправлены в лагеря для военнопленных и интернированных, такие как № 270 в Боровичах¹⁵, № 41 в Осташкове¹⁶, № 454 в Рязани¹⁷, № 516 в Красоводске¹⁸. В проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ), такие как на Донбассе, в Сталиногорске, Саратове, Кизеле и Шатуре, попадали гражданские лица, которые были интернированы в Польше и на восточных приграничных территориях Второй Речи Посполитой, в большинстве своём как подозреваемые в участии в польском подполье. Всего в первые месяцы 1945 г. в ПФЛ находились более 18 000 поляков и польских граждан. В исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) лица, осуждённые за якобы преступления, совершённые против советского государства. Главным образом они были осуждены военными трибуналами фронта или Особым совещанием НКВД (ОСО), на осно-

¹⁴ См.: *Polska 1939-1945. Straty osobowe i ofiary represji pod dwiema okupacjami*, red. W. Materski, T. Szarota, Warszawa 2009; D. Rogut, *The Polish Civilians and the Soldiers of the Home Army in NKVD/MVD Camps After 1944* [w:] *Gulag-Gupvi. The Soviet Captivity in Europe*, red. Reka Kiss, Istvan Simon, Budapest 2017, s. 185-206; idem, *Lengyel civilek és a Honi Handsereg katonái az NKVD/MVD táborában 1944 után* [w:] *Gulag-Gupvi. A szovjet fogság Európában*, Reka Kiss, Istvan Simon, Budapest 2017, s. 181-202; idem, *Deportacje Polaków i obywateli polskich do ZSRS w 1945 roku: droga na Wschód* [w:] *Pod czerwoną gwiazdą. Aspekty sowieckiej obecności w Europie Środkowo-Wschodniej w 1945 roku*, red. S. Rosenbaum, D. Węgrzyn, Katowice – Warszawa 2017, s. 90-109.

¹⁵ D. Rogut, *Losy żołnierzy Armii Krajowej („riazańczyków”) w sowieckim obozie MWD nr 270 w Bоровичах (1947-1949)* [w:] *Wokół spraw trudnych, bolesnych i zapomnianych. Studia i szkice*, red. E. Kowalczyk, L. Ladorucka, W. Marciniak, B. Szubtarska, J. Żelazko, Łódź 2014, s. 497-519; idem, *Żołnierze Armii Krajowej w obozie sowieckim NKWD nr 270 w Bоровичах (1944-1946)*, Żelów 2017.

¹⁶ D. Rogut, *Z dziejów internowanych Polaków w Związku sowieckim: obóz nr 41 w Ostaszku*, „Dzieje Najnowsze” 2001, nr 2, s. 79-101.
¹⁷ См.: D. Rogut, *Ucieczki żołnierzy Armii Krajowej z obozu NKWD-MWD nr 178-454 w Rязани (1945-1946)*, „Dzieje Najnowsze” 2008, nr 3, s. 79-93; A. Arkusz, *Obywatele polscy w obozie NKWD-MWD ZSRR nr 178-454 w latach 1944–1947*, Kraków 2010; D. Rogut, *Internowani oficerowie Armii Krajowej w sowieckim obozie jenieckim nr 150 w Griazowcu w latach 1947-1948* [w:] *Sowiecki system obozów i więzień. Przykłady wybranych państw*, red. J. Bednarek, Łódź 2013, s. 75-110.

¹⁸ D. Rogut, *Wrota piekieł. Żołnierze Armii Krajowej i obywatele polscy w obozie NKWD nr 516 w Krasnowodzku* [w:] *Sowieckie obozy dla jeńców wojennych i internowanych 1939-1956. Przykłady wybranych państw*, red. J. Bednarek, D. Rogut, Łódź 2018, s. 45-69.